Александр Гончаров

Голос вне времени

Александр Гончаров

Голос вне времени

«Автор»
2026

Гончаров А.

Голос вне времени / А. Гончаров — «Автор», 2026

Иногда один привычный звук может вернуть веру в чудо. Когда кажется, что надежда потеряна, вспоминается тот майский день у фонтана, когда город впервые услышал чистые песни Мари.Но теперь на улицах воцарилось долгое серое затишье, а сама девушка оказалась заперта в четырёх стенах загородного пансионата. Егор отказывается мириться с этой пустотой. Он находит способ тайно передать Мари старый кассетный плеер с чудом уцелевшей записью. Услышав знакомые аккорды, Мари находит в себе силы снова улыбнуться и побороться за своё будущее. Это простая и искренняя история о преданности, дружбе и о том, что если музыка по-настоящему живая, она обязательно вернётся.

© Гончаров А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Майские аккорды 5
Сила притяжения 6
Великое безмолвие 7
Адрес на конверте 8
Голос в окне 9
Разговор сквозь тишину 10
Ответный аккорд 11
Путь назад 12
Начало сгоревшего конца 13
Отражение 14
Общий голос 15
Чужая игра 16
Главная сцена 17
Ложный след 18
В светлом кабинете 19
Счастливый случай 20
Идеальный кадр 21
Границы доверия 22
Мелкий шрифт 25
Утро понедельника 27
Двойная игра 28
Субботний выезд 29
Оживший зал 30
После концерта 31
Без нарушений 32
Территория чистой гармонии 33
Мост поколений 34
Цена популярности 35
Шаг в новое будущее 36
Когда прибывают воспоминания 37
На одной волне 38
Второе рождение 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Александр Гончаров
Голос вне времени

Майские аккорды

Посвящается М.

Спасибо за то, что твой голос учит нас быть сильными!

Пять лет назад этот город казался Егору совершенно другим — более светлым, громким и живым. На дворе стоял тёплый май, и весенний ветер весело гонял тополиный пух по брусчатке старого сквера. Именно тогда Егор впервые услышал Мари.

Ей было всего шестнадцать, она сидела на низком каменном бортике у фонтана, обхватив руками потёртую акустическую гитару. Вокруг неё не было толпы, сцены или ярких афиш — только пара случайных прохожих, которые замедлили шаг, заворожённые чистотой её голоса. Мари пела просто, без усилий, но в её песне была такая искренность, что хмурые взрослые, возвращавшиеся с работы, внезапно начинали улыбаться. Егор тогда тоже остановился. Ему показалось, что эта музыка способна вернуть веру в то, что всё обязательно будет хорошо.

— Не торопись со вторым куплетом, Мари, держи ритм, — раздался негромкий, но очень тёплый голос.

Рядом с ней, на раскладном стуле, сидел её Наставник. Он бережно поправил провод, ведущий к небольшому дорожному усилителю, и ободряюще кивнул Мари. В его глазах было столько гордости и тепла, что сразу становилось понятно: они — настоящая команда. Наставник не просто помогал ей со звуком; он был её главным щитом, её опорой и человеком, который верил в неё больше, чем она сама.

— Она ведь сколько себя помнит — всегда поёт, — с улыбкой обронил Наставник, проверяя шнур усилителя и обращаясь к подошедшим поближе слушателям. — Поначалу просто подбирала на слух красивые мелодии, а потом начала сочинять свои собственные добрые песни, чтобы радовать друзей и близких.

— Твой голос — это подарок для людей, — тихо добавил он, тепло глядя на Мари. — Никогда не бойся делиться им, ведь он согревает сердца.

Мари закончила петь, и над сквером на мгновение повисла тишина, которую тут же нарушили искренние аплодисменты. Какой-то парень в куртке одобрительно свистнул, а пожилая женщина у фонтана тепло улыбнулась.

Егор заметил, как в эту секунду изменилось лицо Мари. Она бережно прижала ладонь к струнам, гася их вибрацию, и посмотрела на Наставника. В её глазах вспыхнул удивительный, ни на что не похожий свет. Было видно, что прямо сейчас, на глазах у Егора, она по-настоящему осознала что-то очень важное. Мари впервые всем сердцем почувствовала, что её музыка действительно нужна этим людям, и это мимолётное ощущение счастья навсегда отпечаталось в её памяти.

— Ну вот, а ты боялась, — тихо улыбнулся Наставник, аккуратно складывая провода.

Мари ничего не ответила, но её открытая, сияющая улыбка говорила громче любых слов. Весенний майский день медленно клонился к вечеру, унося с собой звуки гитары, но Егор точно знал, что этот момент он не забудет никогда. Они были счастливы. И никто из них ещё не знал, какие испытания и штормы ждут их впереди через несколько лет.

Сила притяжения

Июнь наступил стремительно, но для Егора эти несколько недель изменили всё. С того самого майского вечера в сквере у фонтана его кассетный плеер больше не выключался. Он успел нажать кнопку записи на своём старом диктофоне во время уличного выступления Мари, и эта простая, слегка зашумлённая аудиокассета стала его главным сокровищем. Парень перематывал ленту карандашом назад, экономя батарейки, и слушал песню снова и снова, пока не выучил каждую интонацию.

Музыка Мари обладала удивительным свойством: она врезалась в память с первого раза. В ней не было сложных эффектов, но была редкая, звенящая честность. Скоро Егор заметил, что эта мелодия начала жить собственной жизнью. Ребята из соседних дворов переписывали её друг у друга с кассеты на кассету, на слух подбирали мотив на лавочках и делились впечатлениями при встречах. Без всякого радио и телевидения весь город всего за месяц заговорил о хрупкой девушке, чей голос творил настоящие чудеса.

И вот этот день настал. В самом конце июня городской молодёжный центр объявил о проведении большого летнего фестиваля под открытым небом на стадионе. В списке участников среди местных рок-групп скромно значилось имя: Мари.

Егор пришёл за два часа до начала. На трибунах и прямо на траве перед импровизированной сценой уже собирались сотни людей. Воздух был наполнен предвкушением праздника. Юноша протиснулся сквозь толпу к самому деревянному ограждению у сцены, крепко сжимая в руках свой блокнот.

За кулисами было шумно. Рабочие таскали тяжёлые колонки, настраивали свет, а организаторы постоянно куда-то спешили. Среди этой суеты Мари выглядела совсем хрупкой. Она сидела на пластиковом стуле, бережно настраивая свой инструмент и мысленно повторяя ноты.

Рядом, как и всегда, был Наставник. Его лицо казалось сосредоточенным, он лично проверял каждый шнур и микрофонную стойку на сцене. В этот момент к нему подошёл высокий мужчина в дорогом строгом костюме — один из главных спонсоров фестиваля. Егор не слышал слов из-за гула толпы, но видел, как мужчина снисходительно похлопал Наставника по плечу и протянул какую-то визитку. Наставник вежливо, но очень твёрдо покачал головой, спрятал бумажку в карман и повернулся к Мари, ободряюще улыбнувшись. Надвигалась тень, которую пока никто из них не замечал.

— На сцену приглашается Мари! — объявил ведущий, и микрофон завибрировал лёгким эхом.

Когда Мари вышла, стадион на секунду затих. Многие видели её впервые. Она подошла к микрофону и на мгновение замерла, глядя на огромную толпу. Её пальцы извлекли из инструмента первые звуки, и над притихшим полем взлетел чистый, сильный аккорд.

В ту же секунду сотни людей, словно по команде, щелкнули зажигалками, и над стадионом взметнулось огромное количество маленьких живых огоньков. Мари запела, и Егор почувствовал, как по коже пробежали мурашки. Это было уже не то скромное выступление у фонтана — теперь её голос заполнял всё пространство до самого темнеющего неба. Тысячи сердец в этот вечер снова бились в одном ритме, и Егор точно знал: эту искру уже ничто не сможет погасить.

Великое безмолвие

Спустя несколько лет Егор шёл по тем же самым улицам, но город казался незнакомым и серым. Прошли те времена, когда из окон машин гремели искренние дворовые аккорды, а на стадионах зажигались тысячи живых огней. Теперь на площадях царило ровное, монотонное затишье. Из уличных динамиков транслировался лишь привычный городской шум, а прохожие торопливо шагали мимо, поглубже натянув капюшоны и пряча взгляды.

Город замолчал, и Егор точно знал, в какой именно момент это произошло.

Это случилось в середине самого жаркого летнего месяца, когда Мари внезапно исчезла. Сначала из-за тяжёлой болезни не стало Наставника — главного щита и опоры Мари. А следом за этим музыкальная площадка в сквере оказалась закрыта, кассеты с её записями стали стремительно пропадать из киосков, а саму Мари, по слухам, увезли в уединённый загородный пансионат, ради её же безопасности и восстановления здоровья. На деле же тот самый влиятельный человек в дорогом костюме, которому Наставник когда-то отказался уступить дело Мари, просто переписал все права на себя и оставил её музыку в тишине.

Егор остановился у закрытых ворот опустевшего сквера. На каменном бортике у фонтана, где когда-то сидела Мари, теперь лежал толстый слой серой пыли. Стало очень тихо.

Он огляделся по сторонам, проверяя, нет ли прохожих, и медленно опустил руку в карман куртки. Пальцы нащупали знакомый пластиковый корпус старого кассетного плеера — единственной вещи, в которой еще хранился чистый звук из прошлого. Леон, старый знакомый Егора, когда-то помог ему сохранить эту чудом уцелевшую кассету.

Егор надел наушники, нажал на тугую кнопку запуска, и сквозь плотную тишину настоящего времени вдруг пробился первый, далёкий и чистый аккорд.

Адрес на конверте

Звук в наушниках оборвался так же внезапно, как и начался. Старая плёнка зашуршала и затихла — кассетный плеер в очередной раз зажевал ленту. Парень со вздохом нажал кнопку стоп, аккуратно достал пластиковый прямоугольник и понял, что на этот раз карандаш уже не поможет: коричневая дорожка сильно порвалась прямо посередине. Самая важная запись была безнадёжно испорчена.

Егор бросился в сторону старых гаражей на окраине, где находилась небольшая ремонтная мастерская Леона. Леон был старше, отлично разбирался в звуковой технике и тоже помнил те живые выступления.

В мастерской пахло канифолью и паяльным дымом. Леон сидел за столом под яркой лампой, копаясь в микросхемах.

— Леон, выручай. Плёнка порвалась, — Егор положил кассету на стол. — Сможешь склеить? И ещё... нам нужно найти способ передать её Мари. В загородном пансионате она осталась совсем одна. Человек в костюме сделал так, чтобы к ней никого не пускали.

Леон отложил инструмент и посмотрел на друга. Его лицо стало серьёзным. Он молча выдвинул ящик стола, достал оттуда помятый почтовый конверт без марок и подвинул его Егору. На обороте был написан адрес — посёлок в сорока километрах от города и название санатория «Сосновый бор».

— Мой знакомый возил туда аппаратуру, — тихо сказал Леон. — Место глухое, по периметру забор. Посторонних внутрь не пускают. В городе все болтают, будто Мари восстанавливается после тяжёлой простуды и ей нужен полный покой. Но, похоже, там создали такие условия, чтобы до неё никто не мог дозвониться и приехать...

Ей внушают, что сейчас лучше ни с кем не общаться, лишая ее любой поддержки. Плёнку я сделаю, но отвезти её придётся тебе.

Егор крепко сжал конверт в руке. Никакой магии у него не было, но были этот адрес, склеенная кассета и твёрдое желание помочь Мари.

— Я поеду туда завтра утром, — произнёс Егор. — Придумаю, как передать плеер. Она должна услышать эту запись.

Голос в окне

Утренний автобус высадил Егора на пыльной обочине возле глухой лесной дороги. Пройдя немного вперёд вдоль бетонного ограждения, он увидел массивные железные ворота, на которых висела вывеска: «Пансионат Сосновый бор». Территория была полностью закрыта для посторонних, поэтому Егор не решился войти через главный вход.

Юноша обошёл пансионат с обратной стороны, двигаясь вдоль высокого забора. В самом конце глухого участка, среди густых зарослей, он заметил старую пожарную лестницу, приставленную к стене двухэтажного жилого корпуса. В окне второго этажа, грустно глядя на верхушки деревьев, сидела Мари. Она выглядела уставшей, а её инструмент в чехле стоял в углу комнаты.

Егор аккуратно пробрался через ветки, поднялся по металлическим ступеням и тихонько постучал по стеклу. Мари вздрогнула, удивлённо округлив глаза, и осторожно приоткрыла окно.

— Ты кто? Как ты здесь оказался? — испуганно прошептала она, отшатываясь от окна. — Сюда же никого не пускают...

— Не бойся, я Егор. Я слушал тебя в майском сквере у фонтана, помнишь? Самый первый раз, — юноша протянул ей через оконный проём старый кассетный плеер. — Я привёз тебе кое-что. Эта запись — настоящее чудо, Мари. Мой друг Леон смог полностью её восстановить.

Мари с недоверием надела наушники и нажала кнопку запуска. Из динамиков раздался тот самый чистый, живой аккорд из сквера у фонтана и искренние аплодисменты первых прохожих. В её глазах мгновенно блеснули слёзы. Она вспомнила.

— Помнишь этот день? — тихо спросил Егор, глядя на неё. — Помнишь то ощущение? Город замолчал без твоих песен. Тебя любят, помнят и очень ждут.

Мари крепко прижала плеер к груди, и на её лице впервые за долгие месяцы появилась та самая открытая, сияющая улыбка.

Разговор сквозь тишину

Мари медленно сняла наушники. Её руки всё ещё слегка дрожали, а на ресницах блестели слёзы. Она бережно опустила взгляд на старый пластиковый корпус плеера, словно боялась, что он исчезнет, оказавшись всего лишь сном.

— Я... я даже не думала, что у меня будут такие воспоминания, — тихо произнесла она, и её голос, отвыкший от долгих разговоров, прозвучал совсем хрупко. — Спасибо тебе, Егор. В последнее время мне стало так одиноко... Мне казалось, что та музыка осталась в какой-то прошлой, чужой жизни. Я и подумать не могла, что моё собственное выступление сможет мне сейчас так помочь.

Егор пододвинулся ближе к оконной раме, стараясь говорить как можно тише, но твёрдо: — Твои песни помогают не только тебе, Мари. Они нужны всему городу. Люди помнят тот майский сквер и тот стадион.

Мари слабо улыбнулась, и в её глазах впервые за долгое время загорелся тот самый живой огонёк уверенности. Она осторожно спрятала плеер под подушку на кровати, подальше от чужих глаз.

— Мне пора идти, пока меня не заметили, — Егор крепче ухватился за поручень пожарной лестницы. — Но я вернусь. И мы обязательно что-нибудь придумаем. Главное — сбереги эту кассету.

— Сберегу, — пообещала она, прикрывая створку окна. — Теперь точно сберегу.

Юноша быстро спустился по металлическим ступеням и скрылся в густых зарослях санаторного парка. Он возвращался назад в город, и в его голове уже зрел чёткий план.

Ответный аккорд

Ночью в пансионате стало совсем тихо. Когда шаги дежурных в коридоре наконец стихли, Мари достала плеер из-под подушки. Она надела наушники и снова включила ту старую запись из сквера. Но теперь она не просто слушала.

Мари закрыла глаза и начала тихонько подпевать. Потом она нащупала кнопку записи. Кассета Леона щёлкнула. Мари поднесла плеер поближе к губам и тихо запела прямо в темноте комнаты — без всякой музыки, просто своим голосом, который упрямо нарушал эту скучную тишину.

Она придумывала новые слова, но на самом деле в её мыслях было только одно. Мари смотрела в тёмное окно и думала о том, что если бы Егор не пришёл, она бы сама сбежала отсюда. Она бы пошла к тем людям, которые её любят и ждут так же, как в тот день у фонтана. Пошла бы пешком, прямо вдоль этих ночных дорог, босиком и вообще не жалея ног — лишь бы снова вернуть им свою музыку.

Мари перевела дыхание и крепко сжала плеер в ладонях. Она мысленно обращалась к Егору, который сейчас уходил в темноту: «Я доверяю тебе всё, что у меня осталось. Пожалуйста, сбереги эту кассету и не дай нашему шансу разрушиться». Она пела и записывала свой ответ замолчавшему городу. Теперь у Егора будет не просто старая плёнка, а её новая песня – обещание того, что музыка обязательно вернется. Мари бережно опустила плеер на кровать и в этой темноте ее улыбка больше не исчезала.

Путь назад

Ранним утром Егор снова стоял у знакомого окна. На часах не было и шести, когда оно тихо приоткрылось. Мари протянула юноше плеер, внутри которого теперь лежала кассета с её новой песней.

— Спасибо тебе, — прошептала она, глядя на него с огромной благодарностью за те живые эмоции, которые он вернул ей этой ночью. — Я не знаю, где тебя искать в городе, но я буду очень ждать нашей встречи.

Егор бережно забрал прибор, пообещал вернуться и отправился в обратный путь. Кассета во внутреннем кармане куртки казалась теперь самым ценным грузом.

Тем временем в жизни Мари начались перемены. Настоящие эмоции и вера в то, что её музыка всё ещё нужна людям, сотворили чудо. Тяжелая простуда отступила, силы быстро вернулись к ней, и уже через неделю врачи пансионата подписали документы. Мари полностью выздоровела и наконец-то выписалась из «Соснового бора», готовая вернуться в город.

Начало сгоревшего конца

После долгой дороги из пансионата Мари наконец приехала в город. Врачи рекомендовали ей полный покой, но она не могла, не могла оставить людей и из последних сил находилась на сцене. Она была счастлива, ведь видела яркие эмоции в их глазах, которых не было уже так давно. Её первой остановкой стал небольшой, залитый солнцем зал в новом молодёжном центре с большими чистыми окнами. На этот благотворительный концерт не стали делать никаких афиш. Егор и Леон тайно позвали сюда только тех, кому сейчас сильнее всего была нужна поддержка: волонтёров, ребят из детского центра и преданных слушателей, которые помнили Мари ещё со сквера.

Когда Мари вошла в зал, все сразу затихли. Она подошла к микрофону, спокойно настроила гитару и открыто улыбнулась людям. В ней больше не было прежнего страха перед сценой. Мари сильно изменилась, повзрослела и теперь точно знала, ради чего она здесь стоит. Всё плохое осталось далеко позади, и прямо сейчас начиналось что-то совершенно новое.

Девушка мягко коснулась струн, и над залом взлетел первый мощный, уверенный аккорд. Её голос зазвучал вопреки долгому серому затишью. Он казался глубже и сильнее, чем раньше — в нём была настоящая жизнь и чистая надежда. Егор стоял у звуковой аппаратуры, смотрел на улыбки людей в зале и понимал, что этот чистый голос обязательно вернёт городу жизнь.

Отражение

Когда последний аккорд затих, а счастливые зрители начали медленно расходиться, Мари поднялась в небольшую пустую гримёрную на втором этаже центра. Ей нужно было побыть одной, чтобы просто выдохнуть. Она села перед большим зеркалом и посмотрела на своё отражение. Будто из прозрачного озера на нее глядели уставшие, но впервые за долгое время по-настоящему живые глаза.

Отражение в зеркале больше не казалось утомлённым — оно светилось той энергией, которую она только что отдала залу. Это была её собственная душа — её «Духовная Мари», которая молча улыбнулась ей. В этот миг Мари отчетливо услышала внутренний голос, прозвучавший прямо в сердце: *«Ты всё делаешь правильно. Ты справилась. Ты гораздо сильнее, чем тебе казалось, когда ты сидела в пансионате. Музыка вернулась, потому что вернулась ты»*. Мари закрыла глаза, и внутри наконец-то стало тихо, легко и свободно.

Общий голос

На следующий день Егор, Леон и Мари снова собрались в мастерской, чтобы обсудить будущее. Вчерашний благотворительный концерт наделал много шума. Несмотря на то, что Леон и Егор тайно распространяли пригласительные строго по количеству мест и только через проверенных активистов фан-клуба и волонтёров, слух о возвращении Мари мгновенно разлетелся по городу. К молодёжному центру всё равно пришли сотни людей без билетов — они примчались в надежде услышать её голос хотя бы издалека. Небольшой зал физически не мог вместить всех желающих. Слушатели, оставшиеся снаружи, тайно столпились во внутреннем дворике, подальше от глаз строгой охраны центра, и ловили каждый звук через распахнутые настежь окна.

— Нам нужна другая, более масштабная площадка, Мари, — Егор уверенно постучал пальцем по столу, глядя на список городских пространств. — Вчера всё прошло на чистом везении. Зал слишком маленький, а из-за толпы, которая спонтанно собралась во дворе, местная охрана в следующий раз точно поднимет тревогу и закроет окна. В такой духоте проводить концерты нельзя, да и рисковать безопасностью людей я не хочу. Нам нужен постоянный контракт с крупным независимым филиалом для твоих выступлений.

Мари задумчиво перебирала струны, слушая Егора, а затем её глаза блеснули. В неё вернулся тот самый творческий пыл, который когда-то собирал стадионы.

— Контракт — это правильно. Но я не хочу обычных, скучных концертов, где я просто пою на сцене, а люди смотрят из темноты, — Мари открыто и легко рассмеялась. — Раз уж они приходят, мы должны размыть эту границу между сценой и залом. Давайте запустим проект прямо внутри выступлений. Назовём его «Спой с Мари».

Леон отложил инструменты и удивлённо повернулся к ней:

— Это как?

— Очень просто. Каждый, кто получает пригласительный на концерт, сможет заранее подать заявку на участие. Прямо перед выходом мы соберём все купоны в большой прозрачный куб. В середине концерта я просто буду вслепую доставать записку с номером и местом участника и приглашать человека на сцену, чтобы спеть дуэтом под мою гитару. Представляете? Это может быть и подросток, и взрослый, и даже чья-то бабушка. Мы будем петь вместе.

Егор улыбнулся, поражённый этой идеей. Это был идеальный план. Они не просто возвращали музыку в город — они дарили людям долгожданное чувство искреннего тепла и свободы, которая рождается только тогда, когда сотни голосов звучат как один.

Чужая игра

Поиски помещения затянулись на несколько дней. Егор и Леон обошли несколько крупных площадок, но везде сталкивались с глухой стеной: владельцы залов либо заламывали неподъёмную цену за аренду, либо требовали кучу официальных документов и разрешений, которых у ребят просто не было. Ближе к вечеру уставшие парни вернулись в мастерскую. Мари сидела за столом, задумчиво набрасывая что-то в блокноте. Леон молча подошёл к своему рабочему столу и привычным движением включил старый радиоприёмник, чтобы разбавить мрачную тишину. Из динамика, пробиваясь сквозь лёгкие помехи, зазвучал ровный голос ведущего.

— ...внимание всем, кто ловит нашу волну, — раздалось из приёмника. — Мы объявляем о старте грандиозного городского конкурса лучших голосов. Если вы поёте и ваш талант ждёт своего часа — это ваш шанс. Призеров ждут ценные награды, а победитель получит полную поддержку от организатора конкурса. Его ждёт продвижение в творчестве и обучение уникальным методикам, которые изменят всё.

— О! Здорово! — Егор так и замер посреди комнаты, удивлённо и радостно округлив глаза. — Ребята, это же буквально то, что нам надо! Представляете? Готовая большая сцена, аппаратура, конкурс. Нам даже искать ничего не придётся. Мари, ты обязана туда пойти, это же твой масштаб!

Леон тоже согласно кивнул, убирая паяльник в сторону:— Да, совпало просто идеально. Сами бы мы такой зал никогда не потянули.

Они весело переглянулись, даже не задумавшись о странном совпадении. Парни были искренними и наивными, они верили в простые счастливые случаи. И только Мари, услышав эти громкие, чужие слова про «уникальные методики» и «поддержку организатора», почувствовала, как сердца коснулся ледяной холодок. После их тёплого, искреннего концерта вся эта официальная реклама из приёмника показалась ей бездушной и пугающей. Она медленно закрыла блокнот, чувствуя, что за этой красивой вывеской скрывается совсем чужая игра.

Главная сцена

Спрятать свои предчувствия оказалось непросто, но Мари видела, как сильно Егор и Леон загорелись этой возможностью. Они искренне верили, что радио принесло им тот самый счастливый шанс, а Мари меньше всего на свете хотела портить их чистую радость своими страхами. Проекту действительно была нужна большая сцена. Преодолев саму себя, она согласилась подать заявку.

Подготовка пролетела незаметно. И вот этот день настал. Огромный, залитый светом зал городского Дворца культуры был забит до отказа. За кулисами царила суматоха, десятки участников распевались, а Мари просто тихо ждала своего выхода, спокойно держа в руках гитару.

Когда ведущий объявил её имя, зал на мгновение притих. Мари вышла на середину сцены, ослеплённая светом прожекторов. Перед тем как коснуться струн, она на секунду оглянулась назад и увидела у края кулис взволнованные лица Егора и Леона, которые ободряюще улыбнулись ей. Девушка мягко коснулась струн, и над огромным залом взлетел её чистый, сильный голос. Она прекрасно играла на гитаре, полностью растворяясь в пении. В какой-то момент, случайно подняв глаза к дальним ярусам, Мари показалось, что в тёмной ложе стоит силуэт какого-то мужчины, который пристально наблюдает за ней. Но отвлекаться было некогда — все её мысли и силы были отданы музыке.

Её искреннее исполнение настолько покорило зал, что когда затих последний аккорд, он буквально взорвался оглушительными аплодисментами. Люди поднялись со своих мест, и даже строгие члены жюри переглянулись в полном восторге от её таланта. Победа была безоговорочной. Мари стояла на сцене с дипломом победителя, оглушённая криками «Браво!» и вспышками камер, а Егор и Леон за кулисами радостно обнялись. Обернувшись, Мари снова посмотрела на второй ярус, но там была лишь пустота и густые тени от прожекторов. Девушка подумала, что ей, скорее всего, просто показалось от волнения. Она счастливо улыбнулась залу, крепче прижав к себе диплом. Этот вечер принадлежал ей.

Ложный след

Утро после конкурса началось с телефонного звонка. Мари едва успела налить себе чаю, как экран мобильного засветился незнакомым номером. Она нажала на кнопку ответа, и в трубке зазвучал приятный, уверенный и на удивление мягкий мужской голос.

— Мари, доброе утро. Ещё раз поздравляю с заслуженной победой, ваш голос до сих пор звучит у меня в ушах, — мужчина говорил спокойно, без лишнего пафоса, но от его интонаций сердце Мари почему-то забилось быстрее. — Как и было сказано в условиях конкурса, я хочу предоставить вам полную поддержку и помочь вашему таланту раскрыться. Давайте встретимся сегодня в моём офисе и всё обсудим?

Они проговорили минут десять. Мужчина был настолько вежлив и так увлечённо рассуждал о её песнях, что Мари, сама того не замечая, согласилась на встречу. Внутри неё вспыхнула лёгкая, робкая влюблённость к этому загадочному покровителю. Но стоило ей положить трубку, как телефон зазвонил снова. На экране опять был незнакомый номер. Мари удивлённо нахмурилась и ответила.

— Здравствуйте, Мари? Это администрация вокального конкурса во Дворце культуры, — раздался в трубке сухой, деловой и немного уставший женский голос. — Поздравляем с победой. Нам нужно назначить вам время для официального интервью с организаторами и подписания документов на продвижение...

Мари на секунду лишилась дара речи, а затем на её губах появилась уверенная усмешка.

— Девушка, это уже даже не смешно, — спокойно ответила она. — Я ровно две минуты назад подробно обсудила все шаги лично с вашим руководителем. Мы обо всём договорились. Передайте вашим коллегам-мошенникам, чтобы они придумали схему поинтереснее.

Не слушая растерянных оправданий в трубке, Мари решительно сбросила вызов. Она была абсолютно уверена, что легко раскусила обман. Девушка быстро набросила куртку, взяла сумку и вышла из дома, торопясь на встречу, даже не подозревая, что совершает огромную ошибку.

В светлом кабинете

До нужного адреса Мари добралась быстро. Времени на размышления не было, ведь кто знал, может скоро шанс выскользнет из рук. Высокое светлое здание сверкало под утренним солнцем в самом центре города. Мари подошла к ресепшену и сказала, что идёт на встречу с организатором конкурса во Дворце Культуры. Ей подсказали, куда идти. Вскоре она оказалась перед кабинетом. На двери было написано: «Генеральный продюсер Савельев А. В.». Мари решительно постучала.

— Войдите, — донёсся изнутри мягкий голос.

Мари толкнула дверь. Кабинет был огромным, просторным и залитым светом из панорамных окон, за которыми раскинулся город. Из-за стола навстречу ей поднялся мужчина. На его лице играла открытая, дружелюбная улыбка. Он казался простым, умным и очень проницательным.

— Добрый день, — Мари сделала шаг вперёд, стараясь говорить уверенно. — Вы мне не так давно звонили. Меня зовут Мари.

— Мари, очень рад, — Савельев приветливо кивнул и жестом пригласил её пройти. — Рад, что вы так быстро приехали. Присаживайтесь, нам нужно очень многое обсудить.

Мари опустилась в мягкое кресло, поставив сумку рядом. Мужчина устроился напротив, открыл блокнот и тепло улыбнулся.

— Вы вчера выступили великолепно, Мари. Жюри в восторге, — спокойно начал он. — Расскажите немного о себе. Какие у вас творческие планы? Чего вы ждёте от этого сотрудничества и к какому масштабу стремитесь?

Мари подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. В этот момент в её голосе звучала твёрдая уверенность.

— Я просто очень люблю петь и писать песни, — спокойно ответила она. — Хочу выступать на большой сцене, делиться своим творчеством с людьми и развиваться дальше. Мне важно двигаться вперед, поэтому я точно не планирую останавливаться.

Мужчина на секунду замолчал, восхищённо покачав головой. Его явно впечатлил этот честный, сильный ответ, в котором не было дежурных фраз про славу и гонорары.

— Это отличный настрой, — искренне сказал он. — Как и было сказано в условиях конкурса, я хочу предоставить вам полную поддержку и помочь вашему таланту раскрыться. Моя команда сделает всё, чтобы вам никто не помешал. Начнём прямо сейчас.

Мужчина подошёл к столу, взял лаконичную визитку и протянул её Мари.

— Позвоните мне вечером, Мари. Мы согласуем время первой репетиции, — он ободряюще улыбнулся.

Мари взяла визитку, но перед тем как убрать её в сумку, уверенно посмотрела на продюсера:

— Спасибо. Но я должна сразу сказать: я работаю не одна. Со мной моя команда — Егор и Леон. Мы всё делаем вместе.

Савельев улыбнулся и понимающе кивнул:

— Конечно, Мари. Мы обязательно это учтём. До вечера.

Мари вежливо попрощалась и вышла из кабинета. Спускаясь в лифте, она чувствовала облегчение от того, что встреча прошла так просто и успешно. Савельев показался ей профессионалом, который действительно готов помочь их проекту, и Мари с улыбкой убрала визитку в карман, торопясь поскорее вернуться в мастерскую и поделиться хорошими новостями с ребятами.

Счастливый случай

Дорога от сияющего офиса до мастерской пролетела как одно мгновение. Она была счастлива. Её переполняли эмоции, и она совершенно не замечала ни прохожих, ни дорог, ни шума машин. Всё её сознание было занято светлым панорамным кабинетом, открытой улыбкой Савельева и его мягким голосом, который до сих пор чуть приглушённо звучал в её ушах. Мари очнулась тогда, когда перед ней выросла дверь мастерской. Ей оставалось сделать всего один шаг и открыть её, за которой её с нетерпением ждали друзья.

Мари открыла тяжёлую дверь и вошла внутрь. В мастерской всё было как обычно — Егор и Леон просто занимались своими привычными делами и вообще не знали, где она была. Мари ведь получила звонок утром и сразу поехала на встречу, ничего им не сказав. Егор поднял голову, посмотрел на неё и удивился. Мари тяжело дышала, а ее зеленые глаза радостно блестели.

— Мари, что случилось? Ты вся сияешь! — с улыбкой спросил Егор, откладывая свои дела в сторону.

Мари подошла поближе к столу. Эмоции так сильно переполняли её, что сердце бешено стучало. Она молча достала из кармана визитку и положила её прямо перед Леоном.

Леон медленно поднял визитку со стола и внимательно посмотрел.

— «Генеральный продюсер Савельев А. В.», — вслух прочитал он и удивлённо переглянулся с Егором. — Это ещё кто такой?

Мари улыбнулась, но её голос всё еще слегка дрожал от волнения:

— Это организатор того самого конкурса, который мы выиграли! Он сам позвонил мне утром и пригласил в офис. Ребята, он просто невероятный. У него огромный светлый кабинет в центре, и он готов полностью обеспечить нам продвижение. Я сразу сказала, что работаю только с вами. И знаете что? Он улыбнулся и сразу согласился! Он даст нам большую сцену, лучшую аппаратуру и поможет запустить наш проект «Спой с Мари».

Егор аж подпрыгнул на стуле от радости.

— Да ладно?! — Егор широко улыбнулся, не веря собственным ушам. — Ребята, ну я же говорил, что этот конкурс — наш счастливый случай! Сами бы мы такие возможности никогда не получили.

Леон тоже согласно кивнул и аккуратно положил визитку обратно на стол:

— Да, совпало просто идеально. Раз сам продюсер предлагает продвижение и согласен, что мы работаем как одна группа, то это реальный успех!

Ребята еще долго обсуждали будущие репетиции и радовались. Их искренняя вера в чудо окончательно успокоила Мари. Тот ледяной холодок, который она почувствовала у радиоприёмника, полностью растаял.

Вернувшись домой в сумерках, Мари осталась одна. Пережитый на конкурсе шок утих, оставив после себя лишь странную пустоту, которую так легко заполнил образ Савельева. Его спокойный, мягкий голос до сих пор приглушённо звучал в её мыслях, даря долгожданное чувство, что скоро все будет хорошо. Сжимая в руках визитку, Мари чувствовала прилив невероятной энергии и набрала номер продюсера, даже не подозревая, что идеальный манипулятор уже просчитал этот шаг на опережение.

Идеальный кадр

В трубке раздался спокойный голос Савельева. Мари сразу перешла к делу, и продюсер назначил встречу на завтрашнее утро в городском Дворце культуры.

Как только вызов завершился, Мари тут же набрала Егора и Леона, задыхаясь и пытаясь объяснить, что завтра их ждут на репетиции. Парни, которые сами весь вечер не находили себе места от волнения, мгновенно загорелись этой новостью.

Савельев жёстко требовал от всех пунктуальности, поэтому всегда назначал встречи на полчаса раньше, чтобы люди не опаздывали. Утром у входа в ДК ребята сразу спросили, где найти продюсера, поднялись к его кабинету и постучали.

— Войдите, — донеслось из-за двери.

Савельев сидел за столом и подписывал бумаги. Увидев ребят, он мягко улыбнулся Мари, отложил ручку и встал из-за стола, окинув парней коротким сдержанным кивком.

— Здравствуйте, — Савельев спокойно указал на кресла у стены. — Присаживайтесь. Мари вчера рассказала про вашу задумку, так что давайте сразу перейдём к делу. Спустимся в зал, вы подключите свои программы и просто покажете, как это звучит.

— Без проблем, — Леон уверенно кивнул. — Нам нужно минут десять, чтобы всё подключить и настроить.

— Отлично. Прошу в зал, — Савельев направился к выходу.

Они спустились в большой и светлый зал Дворца культуры. Савельев показал на кулисы, где уже стояла готовая аппаратура:

— Подключайте свои программы, настраивайте звук. Площадка полностью в вашем распоряжении.

Мари подошла к микрофону, Леон занял место за звуковым пультом, а Егор запустил программу на ноутбуке. Музыка включилась мгновенно.

Когда Мари запела, её голос в пустом пространстве зазвучал в полную силу. Савельев отошёл в глубь зала, сел в одно из кресел и молча наблюдал за выступлением. Мари пела, полностью погружаясь в свои уходящие переживания и предчувствия нового интересного пути, чувствуя себя в абсолютной безопасности.

Границы доверия

Песня лилась легко, заполняя каждый угол огромного светлого зала Дворца культуры. Мари пела так, словно перед ней стоял стадион, полностью отдавая энергию залу, в котором сейчас никого не было, и слушая свое сердце, а парни уверенно держали ритм. Голос звучал так, что массивные люстры под высоким потолком зала звонко отвечали на каждую ноту, а эхо разносило её голос по самым темным углам огромного зала, по пустым рядам бархатных кресел и по пустеющей ложе, помнящей все.

Когда отзвучали последние, самые мощные ноты финального припева, музыка плавно стихла, оставив после себя гулкое, звенящее эхо, которое ещё несколько секунд растворялось в полумраке закулисья.

Мари вместе с ребятами спустилась со сцены в зал к продюсеру.

— Хорошая работа, — он коротко кивнул всей троице. — Музыка отличная, материал сильный и живой. С песнями такого уровня можно выходить на большую аудиторию, но для начала нам необходимо зафиксировать наши намерения юридически.

Савельев А.В. открыл тяжелую кожаную папку и достал оттуда несколько листов — предварительный договор на сотрудничество.

— Здесь всё необходимое, посмотрите, если есть вопросы — задавайте.

Егор молча взял листы. Мари внимательно пробегала глазами по строчкам вместе с ним. Наконец, её взгляд замер внизу страницы, и она первая подняла глаза на продюсера:

— Подождите, но здесь написано, что мы больше не можем вот так выходить к людям? Наш выезд теперь нужно письменно утверждать у вас?

Егор тоже оторвался от текста и понял главное: их свободный уличный проект берут под контроль.

Савельев даже не изменился в лице. Он лишь понимающе, вежливо улыбнулся:

— Разумеется, ребята. Мы берём на себя организацию ваших концертов, поэтому любые выступления должны идти через нас.

— Но петь для людей под открытым небом — это то, что позволяет нам жить, — попыталась возразить Мари.

Леон нетерпеливо повёл плечом:

— Да ладно тебе, Мари, нормальные условия. Нам дают лучший звук в городе, надо подписывать и работать.

Егор еще раз посмотрел на Савельева, который продолжал сохранять абсолютно спокойное лицо. Понимая, что решение команды уже принято, Егор молча взял ручку и аккуратно вывел свою фамилию на третьей строчке, сразу после подписей Мари и Леона. Продюсер забрал файлы, убрал их в кожаную папку и защёлкнул замок. Ребята сделали первый шаг по чужим правилам.

— Отлично, — Савельев вежливо наклонил голову, удерживая в руках закрытую папку. — Теперь площадка полностью в вашем распоряжении. Начинайте репетиции, а моя команда займётся юридическим оформлением и продвижением.

Последующие три месяца пролетели как один день. Наступил холодный февраль, но для Мари, Егора и Леона жизнь превратилась в сплошной марафон между студией и выступлениями. Продюсер был чрезмерно пунктуален: аппаратура работала без сбоев, репетиции начинались минута в минуту, а проект «Спой с Мари» стремительно набирал популярность. О них заговорили на местных радиостанциях, а на открытые площадки города начали приходить сотни людей, чтобы услышать живой голос Мари под уникальную музыкальную программу, которую запускал Егор. Мари видела реальные плоды их работы и понимала, что её расчет на

продюсерский центр полностью себя оправдал. Вот только эти концерты теперь были частью жесткого графика продюсера, и о прежней уличной свободе пришлось забыть.

Единственным, кто не разделял общего настроя, оставался Егор. Пока Леон радовался новому оборудованию, а Мари утверждала первые официальные афиши, Егор замечал, как вокруг них сужается кольцо. Савельев больше не появлялся на обычных встречах, но его менеджеры теперь строго, по часам, контролировали каждый шаг команды. Любые интервью Мари, любой выезд команды и даже тексты песен теперь должны были проходить через официальное утверждение в продюсерском центре. «Серая тишина» Савельева медленно, но верно изолировала ребят от их прежней свободной жизни.

И вот, в один из морозных февральских вечеров, менеджер вызвала Мари в кабинет продюсера одну. Савельев сидел на своем месте, а перед ним лежала увесистая папка. Увидев Мари, он указал на кресло напротив.

— Присаживайся, Мари. Три месяца пролетели незаметно, и результаты меня радуют. Ты делаешь огромные успехи. Пора выходить на всероссийский уровень, но для этого нам нужно закрыть последний формальный вопрос.

Продюсер пододвинул к ней толстую пачку листов, скреплённых фирменным зажимом. Это был основной пятилетний контракт.

— Здесь всё то, о чём мы говорили в ноябре. Полное финансирование, нормальная студия, новые микрофоны для Леона и масштабное продвижение. Стандартный документ, который сделает твою музыку вечной. Поставь свою подпись, и в понедельник мы запускаем проект на полную мощность.

Мари взяла в руки тяжёлую стопку бумаги. В её глазах читалась абсолютная готовность к новому серьезному этапу, но, унаследовав гаражную хватку команды, она не собиралась подписывать долгосрочные обязательства вслепую. Документ был слишком объёмным, а шрифт в самом низу страниц — подозрительно мелким.

— А... Егор и Леон? — спокойно спросила Мари, поднимая глаза. — Они должны это посмотреть?

Савельев снисходительно наклонил голову, и его улыбка осталась абсолютно спокойной:

— Мари, это твой именной контракт, ты — голос и сердце этого проекта. С парнями мы встретимся отдельно, я приглашу их на следующей неделе, и мы всё спокойно подпишем с ними. Не забивай себе голову формальностями, доверься профессионалам.

Мари внимательно посмотрела на продюсера. Его вкрадчивый, излишне мягкий тон больше не обманывал её — внутри у неё появилось стойкое чувство протеста. Мари слишком уважала себя и свою команду, чтобы соглашаться на условия, в которых её друзей пытались так аккуратно оставить за бортом общего дела. Она прекрасно помнила, как три месяца назад бдительность Егора помогла им сразу увидеть скрытые условия.

— Я всё понимаю, — Мари сдержанно улыбнулась, аккуратно складывая тяжёлую стопку листов обратно в папку. — Но мы начинали этот путь вместе. Я не могу подписать такой объёмный документ сразу, даже не прочитав. Я возьму его домой, покажу ребятам, и в понедельник утром мы принесём вам готовый ответ.

На мгновение в глазах Савельева промелькнула холодная, едва заметная тень — он не привык, чтобы его график сбоил. Но уже через секунду продюсер снова вежливо наклонил голову:

— Что ж, похвальная преданность команде, Мари. Забирай. Но помни: если в понедельник документов не будет, мне придётся пересмотреть наши условия. До встречи.

Мари вышла из кабинета, крепко прижимая к себе папку с контрактом. Шаг был сделан, характер проявлен. Она шла по коридору, четко понимая, что этот морозный вечер официально разделит их историю на «до» и «после». Дома ей нужно было срочно связаться с Егором, чтобы вместе построчно разобрать этот документ.

Мелкий шрифт

Уличный морозный воздух после кабинета Савельева помог Мари немного прийти в себя. Она шла по заснеженному тротуару до самого дома. Дома Мари сняла обувь и сразу подошла к телефону набрать номер Егора. Гудки в трубке казались ей слишком долгими, а паузы между ними — бесконечными.

— Егор, привет. Мне нужно, чтобы ты посмотрел один документ, — Мари постаралась сказать это как можно спокойнее. — Савельев дал контракт. Сказал, что вас с Леоном он позовёт отдельно на следующей неделе. Но я не стала подписывать его там. Забрала домой.

На том конце провода повисла короткая пауза, а затем Егор ответил:

— Правильно сделала. Приезжай ко мне, разберёмся.

Вскоре кухонный стол в квартире Егора был полностью свободен от его работы. В гараже сейчас было слишком холодно, да и для чтения бумаг домашняя обстановка подходила гораздо лучше. Старая лампа низко свисала над столом, заливая листы контракта мягким светом. Мари сидела напротив и молча наблюдала за другом.

Егор открыл первую страницу.

— Ну что там? — тихо спросила Мари, не выдержав паузы. — Он обещал полную раскрутку, радио и новые микрофоны.

Егор перевернул страницу, посмотрел на текст в самом низу и нахмурился.

— Он красиво говорит, Мари, — Егор со злостью бросил листы на стол. — Но посмотри, что тут написано. Проект «Спой с Мари» по этому договору полностью отходит ему. Если в понедельник ты это подпишешь, то без его разрешения ты не сможешь петь свои же песни. Ни на радио, ни на площадке, нигде. А то, что он обещал позвать нас на следующей неделе — похоже на уловку, чтобы ты сейчас подписала бумагу одна. Тут написано, что он сам решает, кто будет работать в группе. Нас с Леоном, Мари, он может в любой день заменить на других музыкантов, а ты ничего не поделаешь.

Мари растерянно смотрела на листы. В ушах всё ещё стоял гул от недавних выступлений. Она помнила то невероятное чувство, когда на открытых площадках города люди начинали подпевать её песням. В те секунды Мари готова была счастливо плакать.

— Егор, но ведь на площадях творилось что-то невероятное, — Мари подняла глаза. — Помнишь наш последний выезд? Когда мы заиграли финал, сотни людей подхватили текст. Они пели так громко, что меня вообще не было слышно! В один момент даже стало не понятно, кто проводит концерт: мы или зал? Люди сами делали музыку живой! Как Савельев может это отобрать?

Егор посмотрел на неё с глубоким пониманием. Его злость немного утихла.

— В том-то и дело, Мари. Савельев думает, что концерт проводит он — потому что привез колонки и утвердил график. И именно это он и берет под контроль. Но смотри, тут есть одна странная строчка. — Егор перевернул страницу и указал на самый конец текста. — Написано, что договор действует на площадках и официальных мероприятиях в черте города. Савельев так увлёкся этим контролем, что сам этого не заметил. Он просто взял свой стандартный шаблон. Прямо за чертой города полно частных ангаров, складов и старых заводов. Если мы сделаем концерт там — этот договор не работает, Савельев ничего не сможет сделать, а люди доедут.

Мари нахмурилась, вглядываясь в текст:

— Егор, ну какой ангар или старый завод в феврале? Кто туда поедет в такой мороз? Это же то еще удовольствие. Одно дело — прийти в теплый зал Дворца культуры, и совсем другое — искать нас по складам на окраине. Мы просто растеряем всех людей. Три месяца назад вы с Леоном сами больше всех цеплялись за эту площадку и звук, а теперь ты предлагаешь уйти на

заброшенные заводы? Ты уверен, что они доедут, но по-моему, это просто очередная дурная идея.

Егор посмотрел на нее, и его взгляд стал серьезным:— Да, три месяца назад я думал по-другому. Но тогда я не знал, что Савельев попытается вот так забрать наш проект и заменить нас в любой день. Мари, я не спорю, это огромный риск, и в мороз мало кто захочет ехать на окраину. Но если мы сможем найти нормальное, закрытое место и сделать там хороший звук — те, кто по-настоящему полюбил наши песни на улицах, нас поддержат. Савельев уверен, что ради комфорта во Дворце культуры мы подпишем любые бумаги и согласимся на любые его условия. Он думает, что запер нас. Но у нас хотя бы появляется выбор. И в понедельник мы решим, готовы мы играть по его правилам или рискнем.

Мари внимательно посмотрела на Егора. Страх перед Савельевым и его угрозой пересмотреть условия постепенно отступал. Они не сдадутся без боя.

Утро понедельника

Утренний февральский мороз заставил Мари ускорить шаг. Продюсерский центр встретил её привычным запахом хорошего кофе и гудящим звуком офисных принтеров. Савельев ждал её в кабинете. Он сидел за своим широким столом, просматривая какие-то графики, и выглядел абсолютно спокойным.

— Доброе утро, Мари. Проходи, присаживайся, — Савельев поднял голову и дружелюбно указал на кресло напротив. — Ну что, прочитала? Надеюсь, все сомнения остались в выходных. Пора подписывать бумаги и плотно браться за работу, менеджеры уже утвердили график весенних площадок.

Мари спокойно прошла к столу и достала из сумки контракт. Она помнила вчерашний разговор на кухне у Егора и его слова про границы черты города. Ей нужно было сыграть эту роль до конца.

— Да, я всё прочитала, — Мари постаралась, чтобы её голос звучал максимально ровно. — Условия понятны и они нас устраивают. Я готова подписать все документы.

Савельев довольно кивнул и пододвинул к ней ручку:

— Вот и отлично. Я же говорил, это просто формальность.

Мари взяла ручку и поставила свою подпись на последней странице. Ловушка захлопнулась, но Мари знала: их настоящий план начнется как раз за границей этого документа.

Двойная игра

Мари приехала в гараж сразу из продюсерского центра. Парни уже были на месте. Егор копался в проводах возле усилителя, а Леон лениво подкручивал колки на гитаре. Стоило двери захлопнуться, как оба синхронно повернулись к ней.

— Ну что? — коротко спросил Леон, отложив инструмент.

— Подписала, — Мари выдохнула и прошла к столу. — Всё, как мы вчера и решили. Савельев думает, что полностью запер нас на своих городских площадках. Завтра его менеджеры уже утвердят график.

Егор хмыкнул и одобрительно кивнул:

— Отлично. Пусть думает, что мы у него на крючке. Для него проект «Спой с Мари» теперь официально существует только во Дворце культуры и в черте города. А мы начинаем разворачивать наш собственный план.

— И где мы его сделаем? — Мари посмотрела на Егора. — Склады и заброшенные заводы в феврале — это дурная затея, мы это уже обсудили. Люди просто замерзнут, никто не приедет. И это будет то еще удовольствие.

— Замерзнут, если везти их на пустырь, — Егор хитро улыбнулся. — Я тут искал по объявлениям старые колонки на замену и случайно наткнулся на один вариант. Прямо за чертой города, в поселке есть какой-то старый ДК. Здание частное, Савельев к нему юридически никак не подберется. Но главное — там до сих пор работает отопление в малом зале, и сцена цела. Хозяин готов пустить нас туда в ближайшую субботу за копейки.

Леон присвистнул, а Мари удивленно посмотрела на Егора:

— Старый ДК? За чертой города?

— Именно, — твердо ответил Егор. — Дорога туда прямая, пригородные автобусы от центра ходят каждые пятнадцать минут. Ехать всего ничего. Савельев уверен, что ради комфорта во Дворце культуры мы подпишем любые бумаги. Вот и проверим. Мы раскидаем новость сами, через знакомых и листовки. Если люди нас действительно полюбили на улицах — они приедут.

Леон задумался.

— А ведь это сработает! Мы заставим Савельева кусать локти его же методами. Времени мало, работаем!

Парни тут же принялись за дело.

Субботний выезд

Субботний вечер встретил их пригородной темнотой и метелью. Старый ДК на окраине посёлка выглядел заброшенным, но внутри малого зала действительно было тепло. На деревянной сцене Егор заканчивал подключать кабели, а Леон проверял настройку инструментов.

До начала оставалось всего двадцать минут. Мари стояла у окна, вглядываясь в пустую, занесённую снегом площадь у остановки. Сердце колотилось от подступившей паники. Всматриваясь в темноту, она невольно вспоминала последние несколько дней, которые превратились в сплошной сумасшедший марафон.

Ещё в среду этот малый зал казался абсолютно непригодным для жизни. Мари до сих пор помнила этот вид многолетней пыли, когда они впервые переступили порог. Все эти дни, стараясь не шуметь, они работали не покладая рук — проверяли обогреватели, затаскивали новые батареи. После они уходили обессиленные, но зал ожил — на очищенной сцене уже стояли их родные инструменты.

И вот теперь всё было готово. Но площадь за окном оставалась пустой.

— Мари, не переживай, — негромко позвал от пульта Егор. — Мы сделали всё, что могли.

— Егор, на улице февраль, — Мари повернулась к парням. — А вдруг никто не приедет? Вдруг Савельев прав, и людям нужен только комфортный зал в центре, а не этот старый клуб на окраине?

Леон подошёл ближе, вешая гитару на плечо:

— Сейчас и проверим. Автобус как раз должен подойти.

В этот момент за окном, сквозь снегопад показался автобус, который затормозил у остановки и двери распахнулись.

Оживший зал

Мари неотрывно смотрела в окно. Из открытых дверей на обледенелую площадь один за другим начали выходить люди в куртках и шарфах. Они громко о чём-то говорили и направлялись к крыльцу старого ДК. За пару минут пустая площадь превратилась в бурлящую толпу, которая целенаправленно двигалась к входу.

Мари медленно отошла от окна и повернулась к парням. Её слегка потряхивало от осознания победы.

Леон широко улыбнулся и сказал:

— Ну что, Мари. Похоже, мы не зря рискнули.

— Они приехали, — тихо, будто всё ещё не веря своим глазам, произнесла она и посмотрела на парней. — Они правда здесь. В такую погоду.

Егор за пультом молча кивнул и включил аппаратуру. Старый зал, который не слышал зрителей уже десятилетие, вдруг начал быстро наполняться шагами и топотом ног. Люди заходили внутрь, скидывали куртки и сразу плотно продвигались к сцене. Это были их люди, которым была нужна живая музыка.

— Ну что? — Леон коротко ударил по струнам, и гитарный аккорд эхом раскатился по помещению. — Пора выходить. Нас ждут.

После концерта

Мари сделала шаг вперёд, и зал, молчавший целое десятилетие, взорвался оглушительным шумом. Первый аккорд буквально смешался с сотнями человеческих голосов. Мари подошла к микрофону, закрыла глаза и запела, чувствуя, как сотни людей подхватывают строчки, заглушая ее голос.

Постепенно этот оглушительный шум переполненного зала остался позади. На следующий день в гараже Мари встретила тишина. Парни были на месте. На душе было удивительно спокойно — всё получилось.

Телефон на столе зажужжал в пятый раз за день. Экран настойчиво моргал именем Савельева.

Егор даже не повернулся к столу:

— Настырный какой. Видимо, уже в курсе про наш вчерашний выезд.

Мари спокойно посмотрела на экран, а затем протянула руку и просто перевернула телефон экраном вниз.

— Пусть звонит, — тихо сказала она. — Мы вчера выступали вне города, к нам претензий нет.

Без нарушений

Кабинет Савельева встретил Мари тяжелым, звенящим молчанием. Продюсер сидел в глубоком кресле, и его лицо уже не выражало той привычной, благодушной уверенности, с которой он протягивал ей контракт неделю назад. На столе перед ним лежала раскрытая папка с её договором. Стоило Мари закрыть за собой дверь, как Савельев медленно поднял глаза.

— Ну и как это понимать, Мари? — его голос звучал тихо, но в нём отчетливо угадывалась глухая, сдерживаемая ярость. — Весь город только и говорит, что о вашем вчерашнем выступлении. Вы устроили концерт за моей спиной. Ты хоть понимаешь, что это прямое нарушение контракта? Мои юристы уничтожат вас за один день.

Мари спокойно прошла через кабинет и села на стул напротив него, даже не снимая куртки. Паники не было — внутри оставалось то самое вчерашнее уличное спокойствие.

— Никакого нарушения нет, — Мари ровно посмотрела ему прямо в глаза. — Откройте последнюю страницу. Там четко написано: проект «Спой с Мари» и наши выступления принадлежат вашему центру в пределах черты города.

Савельев на секунду нахмурился, его взгляд невольно опустился на мелкий шрифт в бумагах.

— А мы вчера выступали вне города, — твердо закончила Мари. — К нам претензий нет.

Продюсер несколько секунд молча вчитывался в строчки, которые сам же и утверждал. Его пальцы заметно напряглись. Лазейка Егора сработала безупречно.

Территория чистой гармонии

В гараже было тепло, у ребят уже остывала наверно десятая кружка чая. Мари вошла тихо и просто села на стул рядом с парнями. Леон и Егор молча посмотрели на неё. Им не нужно было ничего объяснять — по её спокойному взгляду они всё поняли. Лазейка сработала. Савельев остался ни с чем перед чистым листом договора.

— Савельев думает, что музыка — это только его кассы, — негромко произнесла Мари, глядя на тусклую лампочку под потолком. — А музыка — это те, кто способен слушать тишину внутри себя и превращать свою боль в гармонию, когда им тяжело. Давайте откроем свою студию и назовём её «Территория чистой гармонии».

Леон улыбнулся и просто кивнул, соглашаясь с каждым словом.

— Отличное название, — сказал он. — Аппаратуру я пересоберу, сделаем хороший звук.

И стало так легко, как не было никогда.

Мост поколений

Следующее утро началось с непривычного ощущения — больше не нужно было никуда бежать, сверять графики и ждать одобрения Савельева. Свобода, которая ещё вчера казалась просто строчкой в договоре, теперь заполняла всё пространство вокруг них. Они были свободны просто потому, что увидели, какой пункт Савельев сам же и прописал, заперев себя в границах городской черты. Продюсер остался в прошлом, наедине со своими бесполезными бумагами.

Они не стали громко заявлять о себе в центре города. «Территория чистой гармонии» открылась тихо, на самой окраине, подальше от чужих глаз. Это место сразу начало жить своей собственной, особенной жизнью. Егор спокойно вёл дела, Леон собирал звук, а Мари полностью посвятила себя тем, кто приходил к ним в поисках настоящей, живой музыки.

За окнами студии незаметно сменялись календарные листы. Месяцы плавно перетекали в годы, оставляя позади всё тяжёлое и принося взамен глубокое, звенящее спокойствие. Мари продолжала выступать для своих людей, но теперь её музыка принадлежала только ей и её слушателям.

Савельев остался далеко в прошлом, наедине со своими бесполезными бумагами. *«Ждёшь в глазах моих печаль? Прошло, не мечтай»*, — мысленно бросила она этому прошлому, окончательно закрывая старую дверь.

А в созданной ими студии на окраине города она открыла то, чего ей самой когда-то не хватало — место, где новое поколение музыкантов училось слушать тишину внутри себя и находить свою гармонию. Это пространство дышало жизнью, день за днём превращаясь в надёжный фундамент для того, кто однажды должен был продолжить этот большой путь.

Цена популярности

Когда утихли все бури Савельева, в городе появился Ваня.

Переезд разделил жизнь Вани на «до» и «после», забросив из привычной домашней тишины и ночных песен под гитару прямо в бешеный, чужой ритм огромного мегаполиса. Со временем его живой голос зазвучал повсюду, а песни стали находить глубокий отклик у людей. Кто-то принимал такой необычный стиль, кто-то нет. Он с самого начала держался на сцене свободно, легко находил контакт со зрителями и всегда пел так, как подсказывало сердце.

Он никогда не шлифовал свои треки до идеального блеска — оставался удивительно открытым и всегда пел ровно о том, какие эмоции горели в нём прямо сейчас. Точно так же, как и наша Мари в начале своего творческого пути.

В перерыве между бесконечными съёмками он случайно наткнулся в сети на адрес студии на окраине города. Это была «Территория чистой гармонии», которую открыла Мари. Люди писали, что там тихо и звук пишут только вживую.

Его гитара стояла в чехле у стены. На следующий день Ваня взял инструмент и отправился по этому адресу.

Шаг в новое будущее

Ваня добрался до места и открыл дверь.

В студии вовсю шла работа. Леон и Егор настраивали инструменты, а Мари просматривала свои старые блокноты с текстами песен. Помещение выглядело очень просторно.

Мари первая обернулась и внимательно посмотрела на вошедшего. Ваня улыбнулся:

— Добрый день. Я Ваня.

Мари тепло улыбнулась ему в ответ и сделала шаг навстречу:

— Рада познакомиться, Вань. Я Мари, а это Леон и Егор.

Парни дружелюбно кивнули в ответ, поздоровавшись, и вернулись к инструментам. Ваня аккуратно прислонил чехол с гитарой к стене и снял куртку.

Когда прибывают воспоминания

Ваня присел в свободное кресло и достал гитару.

Он вспомнил, как много лет назад сидел в своей комнате в далёком, занесённом снегом сибирском городке. За окном тогда трещал мороз, а он упрямо разучивал первые аккорды на гитаре. Для него музыка была жизнью, жизнь — музыкой, хоть и непростой. Тогда не было никаких мыслей о больших студиях, контрактах или кастингах. Ваня хотел убрать из головы "неприглашенных гостей", но воспоминания все прибывали и прибывали.

Он замер на несколько секунд, просто глядя на струны и справляясь с этой лавиной мыслей. На студии стало тихо. Ваня глубоко выдохнул, отпуская прошлое, поудобнее взял гитару и заиграл.

Звук гитары плотно заполнил просторную студию. Ваня запел. Он не пытался никому ничего доказать, а просто пел в своё удовольствие, отдавая песне всего себя.

Мари, Леон и Егор слушали молча. Леон тихо улыбнулся, Егор сосредоточенно вслушивался, а Мари внимательно смотрела на Ваню.

Ваня допел, мягко заглушил гитару и посмотрел на Мари.

Мари тепло улыбнулась ему:

— Это очень хорошая песня. Сыграешь ещё раз?

На одной волне

Ваня снова ударил по струнам. Во второй раз он играл ещё более свободно, уверенно и ровно.

Когда волнение улеглось, песня зазвучала совсем иначе. В ней появилось больше лёгкости и спокойствия. В просторной комнате не было ни суеты, ни лишних движений — только гитара Вани и Мари, Егор и Леон, которые внимательно слушали.

Когда последний аккорд затих, Мари посмотрела на Ваню с тихой, тёплой улыбкой. Ей не нужно было подбирать громких слов, чтобы поддержать его — всё читалось во взгляде.

— Знаешь, Вань, с этой песней у тебя всё получится, — негромко сказала она. — Просто оставайся в ней таким же настоящим.

Ваня улыбнулся в ответ и посмотрел на ребят. Напряжение окончательно прошло, и ему уже не терпелось приступить к делу.

Леон придвинул стул поближе, а Егор достал блокнот с ручкой.

Второе рождение

За тем первым разговором в студии потянулись недели плотной работы. Ваня, Мари, Леон и Егор понимали друг друга с полуслова.

Незаметно рабочие будни сменились предконцертной суетой. Огромный концертный зал гудел в предвкушении, а за кулисами царило привычное перед большим выступлением волнение.

Первой на сцену вышла Мари. Многотысячный зал взорвался криками и аплодисментами, приветствуя её. Она улыбнулась зрителям, подошла к микрофону, и с первыми нотами её голос уверенно заполнил всё пространство вокруг, сразу задавая всему вечеру нужное настроение.

Ваня стоял за кулисами с гитарой, слушая её и наблюдая за реакцией зала. Прежней зажатости больше не было — осталась только спокойная уверенность. Когда наступила его очередь, он вышел на сцену, подошёл к микрофону и запел. Его голос летел над рядами свободно и мощно. Мари шагнула ближе, и их голоса слились в единую мелодию, а музыка держала этот огромный зал на одном дыхании.

Концерт пролетел как один миг. На сцене и в зале слились воедино музыка, ритм и тысячи голосов, поющих в унисон. Когда отзвучала финальная песня, шквал аплодисментов долго не давал им уйти. Ваня стоял рядом с гитарой, улыбаясь зрителям и переглядываясь с Леоном и Егором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.